

Терри Гордон задавалась вопросом, куда ее глупый муж дел новое средство для мытья стекол, которое она купила, и нигде не могла его найти. Это средство обошлось ей в кругленькую сумму, потому что, согласно рекламе, оно гарантированно отмывало пятна со стеклянной посуды. Она даже пошла в гараж, чтобы поискать его, но не нашла.

Она начинала злиться, ведь она выделила этот день, чтобы заняться декоративными и антикварными бокалами, кубками, кувшинами, тарелками и блюдами, которые она собирала годами. Каждый был редким или желанным предметом, и за эти годы она собрала хорошую коллекцию. Теперь она хотела их украсить. Она послушалась совета и последовала ему, поэтому и купила это очень дорогое чистящее средство, которое, по словам экспертов, они использовали.

Милая сорокалетняя девушка все больше и больше раздражалась, она бы убила его, когда он пришел домой в пятницу, он бы ожидал, что она сразу же прыгнет в постель и трахнет его. "Ну, - сказала она себе, - если я не найду его, он не найдет и это!" и схватилась за промежность.

Терри при росте 5 футов 7 дюймов даже сейчас привлекала внимание, она была домохозяйкой во всех смыслах этого слова. Ее лицо было как магнит для мужчин, оно притягивало их, как мотыльков на пламя, ее волосы были частью притяжения, которое она создавала во всех направлениях. Золотисто-каштановые, смесь блонда и каштана, они были великолепны, но все еще длинные, как и положено молодой женщине. Сегодня она уложила их в кучу на голове, закрепив двумя зажимами.

Она знала, как хорошо выглядит, и играла на этом, создавая себе манящие образы, иногда ее муж ревновал ее к вниманию со стороны других мужчин, даже одного или двух его друзей, что очень злило его. На протяжении многих лет Терри становилась мишенью для жаждущих и настойчивых ухажеров.

Терри не была распутной, просто иногда ей приходилось уступать, она не хотела этого, но эмоции брали верх над ней, когда другие мужчины делали ставку на нее. На самом деле за двадцать лет это было всего три раза. Она сожалела обо всех этих случаях, но втайне она ни за что бы не пропустила их острые ощущения. Она убедила себя в том, что это помогает ей сохранить брак.

Она была любящей матерью двоих детей: старший Скотт сейчас учился в колледже, ему было двадцать, а Гленн, который был зеницей ока, потому что был самым младшим в восемнадцать лет. Она улыбнулась при мысли о Скотте, он сам пытался соблазнить ее, вплоть до того, как уехал учиться в колледж.

"Он просто шалун, не так ли?" - говорила она себе. "Мне жаль девушек в колледже, когда он туда поступит", - говорила она мужу, когда он уезжал. Она никогда не рассказывала мужу о его попытках ухаживать за ней. Терри была польщена и одновременно ошеломлена, сначала его честностью в попытке соблазнить ее, а потом тем, что он сказал ей, что считает ее совершенно великолепной, что было правдой. И что он хочет затащить ее в постель, чтобы удовлетворить желание, которое он считал почти неконтролируемым.

Она отбилась от него, с некоторым трудом, как ей не хотелось признаваться самой себе, и теперь он, так сказать, улетел из гнезда. Сейчас было 11 утра, она отставала от запланированного графика примерно на 3 часа и очень злилась.

Терри, когда она была раздражена, краснела, ее высокие скулы становились ярко-розовыми, ее губы, такие манящие, дрожали от гнева, который она чувствовала, и она чувствовала его прямо сейчас. Кроме того, в большинстве случаев, когда ее что-то злило, она становилась возбужденной. Настолько, что если мужа не было рядом, она уходила в постель и "занималась" собой.

Сегодня был именно такой день, она злилась на своего никчемного мужа и решила позвонить ему. Хотя существовало правило, о котором они договорились. Когда он был в отъезде, звонить нужно было по вечерам, чтобы избежать неловкости на работе.

Она позвонила и даже постаралась быть вежливой, чтобы не выдать своего раздражения из-за его опоздания. Пока она разговаривала по телефону, вошел Гленн, ее младший, сказал ей "привет", поцеловал ее в щеку и ушел на кухню. Но когда муж сказал ей, куда он ее положил, она не смогла удержаться и назвала его "полным болваном" и прервала разговор.

Терри была одета в юбку до колен, светло-серую, плиссированную. На ней была обычная блузка типа рубашки, застегнутая на все пуговицы, туфли на плоской подошве и нижнее белье, удобное и не предназначенное для внешнего мира. Она вошла на кухню, и один взгляд на ее лицо сказал Гленну, что она вот-вот сорвет свой куш. Он знал, что его отец иногда был болваном, иногда он делал вещи, которые так раздражали ее, но он всегда признавал свою невиновность.

Гленн и его брат Скотт много раз говорили о ней, они оба соглашались, что их мать была самой сексуальной в округе, такой сексуальной и прекрасной. Даже их друзья думали так же, а некоторые смельчаки даже упоминали ее в тех выражениях, в которых не следовало. Но все это лишь повышало их собственное понимание того, кем и чем была их мать - настоящей великолепной и нескладной зрелой дамой.

Они знали, что их отцу очень повезло, что она была у него одна, хотя и удивлялись, как он так долго держался за нее. Но ни один из них не признался бы другому, что с удовольствием попробовал бы с ней "мать и сын".

Гленн смотрел, как она входит, и думал: "Мама, ты так великолепна". Он хотел бы иметь смелость попробовать свои силы, свою удачу, посмотреть, к чему это может привести, но он не хотел, он знал, что ответ будет твердым "нет-нет". Она улыбнулась ему, глубоко вздохнула и сказала. "Твой отец!" - сказала она ему, - "иногда я могу замахнуться на него, мне неприятно говорить это Гленну, но для интеллигентного человека он может быть невероятно толстым!" и она рассмеялась.

Гленн засмеялся вместе с ней, он действительно любил ее и был готов ради нее на все. "Представляешь, - продолжала она, - я купила какое-то специальное средство для мытья

стекол, но никак не могу его найти, и почему?"

"Я понятия не имею, мама, пожалуйста, расскажи", - сказал он, прислонившись к раковине, пока она стояла перед ним.

Он не мог не заметить, как ее соски торчали прямо наружу, хотя они были хорошо сдержаны. Он внутренне застонал, ему до смерти хотелось просто протянуть руку и подергать каждый из них, чтобы посмотреть, что произойдет, что она сделает. Он не стал этого делать, он знал, что произойдет, будут посещения больницы.

"Потому что Гленн, - сказала она, - этот болван засунул его прямо в заднюю стенку шкафа, на который ты сейчас опираешься!" - сказала она ему. Гленн отодвинулся без спроса. "Все в порядке, милый, я могу достать его, а ты оставайся здесь". Но она повернулась и ушла, вернувшись со старой подушкой, которую держала с одной стороны, чтобы стоять на коленях во время уборки или чего-то еще.

Она опустила подушку на пол, подвинула ее ногой, открыла дверь и встала на колени. Она открыла одну дверь и заглянула внутрь: "Неужели не видно?" - сказала она себе. Она откинулась назад, наклонилась и положила голову, затем плечи и надавила дальше.

"Где это, ****?" - умудрилась она не произнести это слово, использовав вместо него слово "черт". Она проникала все дальше, Гленн наслаждался видом материнской задницы, обтянутой плиссированной юбкой. Он возбудился - это был не первый раз с его матерью. Он даже представил себя стоящим на коленях позади нее, член глубоко зарыт, а она стонет от удовольствия, когда он ее трахает.

Он увидел, как она двигается, и подумал, что она пытается сделать.

"Ты в порядке, мама?" - спросил он.

"Да, думаю, да, но он положил ее высоко на полку, которую починил много лет назад, он идиот!" - бушевала она. Терри не могла до него добраться, она просунула руку над сточной трубой и с трудом пролезла дальше. "Получилось!" - крикнула она.

"Так, берегись, я уже возвращаюсь, пролезаю", - засмеялась она. Но когда она это сделала, она внезапно остановилась: "Ой, - закричала она, - мои волосы застряли, кажется, я зацепилась ими за то, что находится здесь, и теперь я не могу вытащить руку назад".

Гленн точно знал, за что она зацепилась, под ней были стержни, гайки и болты, которые управляли системой сточных вод, наверное, она зацепилась за это, подумал он.

Он опустился рядом с ней и посмотрел, "Хммм", сказал он, "ты зацепилась, не так ли мама, твои волосы спутались".

"Я так и думала, но моя рука мешает мне добраться до них, чтобы распутать, и я не могу поднять эту руку, - она помахала ею перед ним, - чтобы сделать это, можешь, Гленн?"

Он попытался, но его мысли уже устремились в другое место, из его положения, сбоку и теперь немного под ней, он мог видеть ее красивые сиськи, висящие в блузке, его член стал больше. Он принял немедленное решение, он собирался попытаться получить удовольствие, притвориться, что помогает ей, но если бы он мог получить хорошие ощущения, он был бы счастливым мальчиком.

Он провел рукой по ее заднице, нащупывая спутанные волосы, использовал их как точку опоры и крепко ухватился за них, запуская пальцы в щель ее задницы. Он хрюкнул, пытаясь освободить свою мать. Его действия сказали ей, что он завязывает, но его рука сейчас находилась в очень деликатном месте.

Он скользил кончиками пальцев вверх и вниз по ее щели, и надавливал до упора, пока они не уперлись в ее маленькую тугую дырочку. Он делал все это, одновременно пытаясь добраться до ее волос. Его мать виляла попой, пытаясь убрать его руку от своей дырочки. Она терпела и ничего не говорила, потому что, по ее мнению, он не осознавал, где находится его рука и что делают его пальцы.

Она не могла ошибиться! Гленн прекрасно понимал, что ее сын прижимался к ее телу, "борясь" за ее свободу, и теперь он становился все смелее и смелее. Его пальцы вдруг задвигались независимо, средний надавил вперед, он угадывал, где находится ее задница. И он почти угадал, еще миллиметр вниз, и он окажется точно по центру.

<http://erolate.com/book/2151/59118>